

МУСЛИМ МАГОМАЕВ

МИХАИЛ ЗАХАРЧУК

МУСЛИМ
МАГО
МАЕВ

ГОЛОС
НА ВСЕ
ВРЕМЕНА

МОСКВА

УДК 784.071.2:929(470)
ББК 85.364.1(2)6-8
3-38

Фотография на обложке:
© Совэкспортфильм / Legion-Media

Захарчук, Михаил Александрович.

3-38 Муслим Магомаев. Голос на все времена /
Михаил Захарчук. — Москва : Эксмо, 2026. —
352 с. — (Великие актеры театра и кино).

ISBN 978-5-04-241244-8

Муслим Магомаев — имя, которое знала вся страна. Внук великого композитора, сын погибшего на войне героя, мальчик, выросший без отца в объятиях любящих приемных родителей... Его голос был даром небес, его судьба — испытанием на прочность.

Автор с трепетом и удивительной теплотой прослеживает путь легендарного певца: от бакинского детства, пропитанного восточной культурой и музыкой, через армейскую закалку и триумфальные успехи, до встречи с настоящей любовью оперной дивой Тамарой Синявской, которая стала его судьбой.

Эта книга не просто биография. Это повествование о том, как рождается гений, о цене славы и верности себе. О дружбе, которая длится десятилетиями, о потерях, которые ранят навсегда. О любви, которая приходит, когда ее не ждешь, и остается навечно.

УДК 784.071.2:929(470)
ББК 85.364.1(2)6-8

© Захарчук М.А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-241244-8

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В начале шестидесятых о себе в полный голос заявили Людмила Зыкина, Елена Образцова, Николай Кондратюк, Тамара Милашкина, Эдита Пьеха, Майя Кристалинская, Лариса Мондрус, Валерий Ободзинский и многие другие певцы. И конечно же, Муслим Магомаев. То, что он явил собой удивительный музыкальный феномен, поняли все и сразу, как специалисты, так и простые слушатели: рабочие, колхозники, ученые, военные, интеллигенция. Словом, весь Советский Союз.

Никогда не забуду первого выступления по телевидению молодого певца перед всесоюзной аудиторией. На сцене только что построенного Кремлевского дворца съездов Муслим спел уже известную песню «Бухенвальдский набат»: «Люди мира, на минуту встаньте!» То было исполнение, от которого мурашки бежали по коже. Была мощь катарсической красоты, до сих пор нами и не слыханной. Драматическая экспрессия пения росла, пульсируя, от фразы к фразе, как реквием: «Берегите, берегите, берегите мир!» А для нас тогда это был главный жизненный императив. Наши люди, в своем подавляю-

щем большинстве еще помнившие страшные ужасы войны, глубинным естеством своим откликались на «Набат». И потому именно Магомаев, охватывавший широчайший диапазон — от песенного набата до шлягерной «Королевы красоты», — так славно лег на душу всему великому советскому народу. О нем сразу и бурно заговорили не только специалисты — миллионы советских людей. Он в кратчайшее время стал наипопулярнейшим певцом страны. Без его участия не обходился ни один радио- или телевизионный концерт. Пластинки с записями Магомаева раскупались мгновенно, а билеты на его концерты всегда доставались «с боями».

Первая встреча

Летом 1973 года я в звании лейтенанта прибыл для прохождения службы в окружной газете Бакинского округа противовоздушной обороны «На страже». Забегая наперед, скажу, что пять лет, проведенных в столице солнечного Азербайджана, едва ли не лучшие годы из всей моей прожитой жизни. И не только потому, что я там женился, там родилась моя первая дочь. В Баку мне работалось и жилось так задорно, приподнято и счастливо, как это бывает только в хороших книгах и старых фильмах. Объяснить сейчас внятно, почему так утверждаю, я не возьмусь. Наверное, потому, что

был молод, энергия была через край. Но об одном обстоятельстве упомяну непременно.

Дело в том, что как раз в эти времена Азербайджанскую партийную организацию возглавил Гейдар Алиевич Алиев — руководитель, как говорится, милостью Божьей. За годы так называемой перестройки о нем мы были наслышаны всякого. Но честно признаюсь, ни одному плохому слову об этом человеке я не верил, потому что знал его лично. Все же пять лет работал, служил под его пусть и очень высоким, но все-таки непосредственным партийным руководством. Алиев был, во-первых, членом военного совета самого большого военного округа СССР. Относился к этой своей обязанности не формально. На заседаниях военного совета мы часто встречались. А во-вторых, он вообще очень душевно, я бы даже сказал по-отечески, относился к нашему брату — военному. Может быть, потому что и самому ему пришлось послужить, но еще больше, наверное, оттого, что забота о людях всегда являлась для него первой заботой. Такой пример: офицеры, служившие не только в столице, но и во всем Азербайджане, обеспечивались жильем в течение двух-трех месяцев. Алиев лично держал «жилищный вопрос военных» под контролем и лично взыскивал с нерадивых.

Не скажу, что в годы моей службы в Азербайджане был коммунизм, но «хорошо развитый социализм» наличествовал — точно. За десятилетия службы в военной журналистике я объездил

и облетал великий Советский Союз вдоль и поперек, но нигде не встречал более богатых, щедрых и доступных рынков, чем те, которые роскошествовали в Баку при Алиеве. Да и вообще мы не ведали, что такое «острота продовольственного вопроса». В бакинских магазинах продавалось все, что было необходимо для жизни, включая такую диковинку, как бытовые кондиционеры. Можно только догадываться, какие усилия приходилось тратить Алиеву на то, чтобы люди в республике жили сносно и безбедно. Впрочем, чего там догадываться. Сам я несколько раз видел Гейдара Алиевича, прохаживающегося со свитой по бакинским рынкам, магазинам и стройкам. Знали все и то, что «пахал» Алиев на своем высоком партийном посту по 16–18 часов в сутки. И то, что крутой был мужик, — тоже ни для кого секретом не являлось. При нем так называемая «социалистическая законность» отстаивалась многими судебными разбирательствами, прогремевшими на всю страну. Ни в одной другой республике Советского Союза не наблюдалось ничего подобного.

И в то же время Алиев с восточной лъстивостью и роскошью принимал в Азербайджане «дорогого и горячо любимого Леонида Ильича Брежнева» — тоже факт. От той невиданной даже в те годы сервильности нашего Первого я однажды серьезно пострадал. Меня, самого молодого сотрудника, выдвинули на премию Союза журналистов СССР «Золотое перо». И моя кандидатура (впервые за всю историю

газеты «На страже») прошла все сита проверок, согласований. На половину возможно причитающейся премии в размере 500 рублей я устроил шикарный сабантуй для всей редакции. А премию в авральном порядке по личному распоряжению Алиева, разумеется, безо всяких согласований, дали двум журналистам, написавшим брошюру о пребывании в Азербайджане «дорогого Леонида Ильича Брежнева». У нас в редакции работал сын помощника Гейдара Алиевича. Со слов Виктора я знал, как Алиев часами репетировал перед зеркалом приветственную речь в честь Генсека. Как говорится, из песни слова не выбросишь.

Собственно, благодаря Гейдару Алиевичу я и познакомился с Муслимом Магомаевым. Случилось это на приеме, который партийное руководство республики устроило для военных, проходящих службу в Азербайджане накануне Дня Советской армии и Военно-морского флота. Пообщались мы тогда с певцом накоротке. Тем не менее в солдатской газете появилась моя небольшая заметка, посвященная творчеству Муслима Магомаева. Ничего интересного, необычного в той публикации не было и быть не могло. Начинаящий журналист, я лишь повторил в основном всем известные факты о том, что «жизнь мальчика с детства была связана с музыкой», что, наслушавшись пластинок с записью прославленных итальянских теноров — Карузо и Джилоди, он «уходил на берег моря и часами там в одиночестве пробовал свой голос». Естественно,

я упомянул и о том, что свой творческий путь Магомаев начинал солистом ансамбля песни и пляски Бакинского округа ПВО и что поэтому он «всегда и с большим удовольствием встречается именно с воинами нашего приграничного округа, несущего боевую службу».

Сейчас вот набираю эти строки с понятной и естественной снисходительностью к написанному, к самому себе, а в те годы, помнится, очень даже гордился тем обстоятельством, что такой популярный и знаменитый певец отвечал на мои вопросы, что мы вместе с ним даже сфотографировались. Магомаев в те времена хоть и жил уже в Москве, но в Баку наезжал очень часто, поскольку числился в штате Азербайджанского театра оперы и балета имени М. Ф. Ахундова. Там я регулярно слушал его исполнение в операх «Свадьба Фигаро», «Волшебная флейта», «Риголетто», «Севильский цирюльник», «Отелло», «Паяцы», «Фауст». В 1975 году певец стал художественным руководителем Азербайджанского государственного эстрадно-симфонического оркестра. В театре мы тоже однажды встретились с Магомаевым. Правда, встреча та была очень мимолетной, не оставившей в памяти певца ни малейшего следа. Однако много лет спустя щедрой судьбе угодно было распорядиться так, чтобы наши с Магомаевым пути-дороги вновь пересеклись — на сей раз куда как по более важному поводу, и я этим обстоятельством откровенно горжусь...

Отцов командир

Во время службы в бакинской газете я поступил в Военно-политическую академию, а после ее окончания меня зачислили в штат редакции газеты «Красная звезда». И вот однажды ко мне, к тому времени уже майору, заместителю редактора по отделу информации, пришел полковник в отставке Георгий Гаврилович Похлебаев. В одной из крымских газет он прочитал о том, что отец известного певца Муслима Магомаева погиб и похоронен в Польше. Но Георгий Гаврилович командовал в годы Великой Отечественной войны 823-м артиллерийским Сталинским полком 301-й Сталинской стрелковой дивизии, где служил старший сержант Магомет Магомаев, и поэтому знает точно: разведчик погиб в Германии, неподалеку от знаменитого Трептов-парка. Похлебаев и похоронку родственникам в Баку подписывал. Так что это далеко не пустяк, мимо которого можно пройти фронтовику стороной и как бы ничего не заметить.

Автор материала, опубликованного в газете, внушал доверие и слогом, и ученой степенью. С другой стороны, у меня не было никаких оснований сомневаться в искренности бывшего фронтового офицера-артиллериста, который, кстати, отлично помнил то грозное время и довольно обстоятельно отвечал на все мои перекрестные вопросы, в том числе и на такой: «А почему вы до сих пор

нигде и никому не говорили, что у вас служил отец Магомаева?»

От не самого моего тактичного вопроса фронтовик от удивления даже пожал плечами. Да не приходилось, дескать, как-то. И что в том такого особенного? Откровенно говоря, он и дальше по-малкивал бы, не попадись ему случайно на глаза злополучная публикация-фальшивка. И вообще не о нем тут должна вестись речь. Важно, чтобы была восстановлена справедливость в отношении бойца, который хоть и не стал официально героем, но достоин этого высокого звания как никто другой. Да, было и такое: Магомета представляли к званию Героя Советского Союза за бои на Украине, но по разнарядке на полк не пришло ни одной столь высокой награды. К слову, именно от Похлебаева я впервые узнал, что, оказывается, на высшее звание существовала строгая разнарядка после того, как за форсирование Днепра одновременно присвоили Героев сразу 2438 бойцам и офицерам.

Мы обменялись с Георгием Гавриловичем координатами. Твердо я пообещал ему написать материал об этой непростой истории. Для начала пришлось отправиться в Центральный архив Министерства обороны СССР. Поиск мой не занял много времени, поскольку на руках имелись полные исходные данные. Вскоре я уже списывал из алфавитной картотеки безвозвратных потерь сержантов и солдат Красной армии за 1941–1945 годы следующие

сведения: «Командир отделения разведки 823-го артиллерийского Сталинского полка 301-й стрелковой Сталинской дивизии старший сержант Магомаев Магомет Муслимович, 1916 года рождения, член ВКП(б), уроженец города Баку, улица Январская, дом 19/113, призван Бакинским ГВК 07.07.1941 г. Убит 24.04.45 г. Захоронен на северо-западной окраине стадиона г. Кюстрина (Германия). Основание: вх. 69002 С от 27.06.45 г.».

Таким образом, бывший командир артиллерийского полка оказался прав. Мне оставалось сообщить коллегам из крымской газеты о допущенной их автором неточности, написать заметку в газету и на том поставить точку. Однако перед этим я решил разыскать Муслима Магомаева и узнать: известна ли ему такая история?

Сознательно опускаю здесь перипетии того, как мне удалось выйти на певца, хотя сама по себе это тоже увлекательная история: всю жизнь он, оказывается, вынужден был прятаться от не в меру надоедливых поклонников и потому регулярно, порой раз в месяц, менял номер своего домашнего телефона. Даже близкие друзья его из-за этой чехарды периодически не могли с ним связаться. Что подделаешь — дурная изнанка популярности. Ему порой даже не верилось, что все это на самом деле происходило с ним и что он сумел выдержать столь невероятный пресс известности. Слава — штука капризная. Она и в то время проявляла себя самым невероятным образом, но